

Регенеративная функция русского языка в новых геополитических условиях

(Учёные записки Таврического национального университета им. В. Вернадского.
Серия «Филология. Социальные коммуникации» -- Том 22 (61), № 1 –
Симферополь, 2009 – С. 185 – 189)

***Время разбрасывать камни, и время собирать камни;
Время обнимать, и время уклоняться от объятий.
Книга Екклесиаста, 3, 5.
...время молчать, и время говорить.
Книга Екклесиаста, 3, 7.***

Мировое сообщество сегодня живёт в новых геополитических условиях, которые формируются двумя противонаправленными тенденциями: 1) глобализация как унификация всех сфер жизни (экономической, политической и культурной) и 2) реанимация, сохранение и, где это возможно, развитие самобытных этнических культур. Глобализация как социальный феномен и как особая фаза международных отношений, зародилась несколько десятилетий назад, но её формирование не завершилось и к началу третьего тысячелетия. И вряд ли завершится в ближайшем будущем, потому что она, по мнению специалистов, вытекает из саморазвития экономики. Феномен глобализации амбивалентен по своей природе, т.е. имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К отрицательным сторонам глобализации можно отнести поступательные процессы унификации мирового культурного пространства, одним из следствий которых является исчезновение языков и культур национальных меньшинств.

Несомненно, более валидной является первая тенденция – глобализация. Вторая же возникла как реакция на опасность исчезновения национальных культур и их базовых компонентов – языков. Отсюда и популярный по сей день слоган: *Богатство мира – в богатстве и разнообразии этнических культур.*

Активизирующиеся в последнее десятилетие процессы глобализации, по мнению учёных, представляют угрозу языкам и культурам прежде всего малых народов. Процессы социально-культурного строительства, которые происходили в прошлом веке в рамках СССР, сегодня могут быть интерпретированы как глобализация в миниатюре (если можно так сказать о той громадной евразийской территории, которую занимал Советский Союз). Известно, что русский язык, как язык межнационального общения, в условиях советского тоталитарного режима выполнял неоднозначные социальные функции: с одной стороны, он способствовал развитию и обогащению словарного запаса и стилистических систем языков малых народов, с другой, – во многом содействовал их деструкции и даже аннигиляции, вытесняя их из совокупного коммуникативного пространства.

Разделение труда по республикам, постоянная миграция трудоспособного населения, как известно, привели к формированию новой политической нации, которую советские социологи гордо именовали «новой исторической общностью – советским народом». Основным средством общения в такой многонациональной среде закономерно и оправданно стал русский язык, посредством которого нерусские народы приобщались не только к русской, но и к мировой культуре. Отрицать позитивность данного фактора сегодня, даже после развала советского государства, никто не осмелится. Однако уже в те годы начали набирать силу процессы обесценения значимости национальных культур и особенно языков. В результате массивного разрушения лингвоэкологической среды существования малых народов, которое осуществлялось в целях развития всесоюзной экономики, более 60 языков коренных малочисленных народов оказались под реальной угрозой исчезновения. (Ср.: по всесоюзной переписи 1989 г. в СССР проживало 180

народов.) Все эти языки внесены в «Красную книгу языков народов России», изданную в Москве в 1994 г. под редакцией директора Института языков народов России, академика Академии естественных наук РФ, доктора филологических наук, профессора Нерознака В.П. Примечательна фраза В.П. Нерознака из предисловия к книге: «...Теории о том, что процесс умирания языков якобы носит “естественный” характер и что ему не надо препятствовать, обнаруживает попытку обоснования идеологии лингвоцида и этноцида» [1, с. 6].

Описанные выше процессы аннигиляции языков малых народов, происходившие в мирное время, наиболее трагически сказались на языках «наказанных народов», к числу которых относятся крымскотатарский, немецкий, чеченский, балкарский, калмыцкий и др.

После развала Советского Союза и появления на политической карте новых государств стали набирать силу процессы отторжения этих государств от России и соответственно от русской культуры. Многие языки получили статус государственных языков. Однако вскоре обнаружилось, что, несмотря на попытки властных структур новых государств волонтаристски расширять функциональное пространство этих языков, некоторые новые государственные языки оказались не в состоянии выполнять весь набор необходимых в новых условиях социальных функций. В Татарстане, например, остро стоит вопрос о расширении образовательного пространства татарского языка: в конце 2007 г. в России был принят федеральный закон № 309, согласно которому русский язык стал обязательным учебным предметом начиная с первого класса. Выступая на совещании Министерства образования, посвященном обсуждению этой проблемы, президент Татарстана М. Шаймиев сказал: *«Видимо, кому-то показалось, что языки народов РФ недостаточно быстро исчезают; решили ускорить этот процесс».*

Каковы же языковая ситуация и языковая политика в сегодняшней Украине? О новой концепции государственной языковой политики я подробно докладывала в Москве, на II Международном симпозиуме «Русская словесность в мировом культурном контексте» [4; 5]. Как показывают мониторинг специальных документов и социальная практика последних 17 лет, на Украине отсутствует целостная концепция долгосрочной корректной языковой политики. Достаточно сказать, что Украина до сих пор не имеет нового закона о языках – руководствуется «Законом о языках в Украинской ССР», принятым 28 октября 1989 г. С большим нежеланием ратифицируются (а чаще не ратифицируются) международные документы в области языковой политики. Например «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», принятая в Страсбурге в 1092 г., пройдя двойную процедуру ратификации (в 1999 и 2003), вступила в силу только в январе 2006. Однако имплементации положений Хартии до сих пор незаметно. И ещё один красноречивый факт: 7 сентября 2007 г. Генеральная ассамблея ООН ратифицировала «Декларацию Организации Объединённых Наций о правах коренных народов», которая призвана обеспечивать «выживание, уважение достоинства и благополучие коренных народов мира». Украина, к сожалению, оказалась в числе тех государств, которые воздержались от голосования, – это Россия, Грузия, Азербайджан.

Что касается языковой ситуации, то на Украине она, думается, более сложна, чем в бывших союзных республиках, потому что в некоторой оппозиции находятся два мажоритарных языка – украинский и русский, которые, каждый в своём юридическом поле, имеют правовой статус государственных языков, а на территории Украины русский язык, как известно, квалифицируется в качестве языка национального меньшинства. Однако это лишь поверхностный, формально-юридический уровень противостояния данных языков. В действительности же оппозиция русского и украинского языков восходит к более глубинной содержательной основе: русский язык имеет многовековую практику кодификации и функционирования в различных сферах общественной жизни и, следовательно, более высокий уровень коммуникативного совершенства, в то время как украинский, в силу известных исторических и социально-политических причин, был ограничен в своих функциональных потенциях. Это явствует и из текста преамбулы

указанного выше проекта новой концепции государственной языковой политики на Украине, в которой (преамбуле) говорится о «массовом распространении такого угрожающего для украинского языка явления, как суржик»: «Качество украинской речи уже давно вызывает беспокойство учёных и широкой общественности...» Как явствует из приведённых выше цитат, авторы проекта сознают, что корпус украинского языка, в том числе его нормативная база, по многим коммуникативным параметрам уступает русскому языку.

Таким образом, Украина, как и Россия во многих случаях, сознательно уклоняется от решения многих социально-политических проблем, регулирующих отношения между языками в многонациональных государствах. В рамках указанной выше Хартии Украина отвечает за сохранения и развитие 13 миноритарных языков: белорусского, болгарского, венгерского, гагаузского, греческого, еврейского, крымскотатарского, молдавского, немецкого, польского, румынского, русского и словацкого, – носители которых, за исключением гагаузов и крымских татар, имеют независимые государственные образования за пределами Украины. К коренным народам Крыма относятся, кроме крымских татар, также караимы и крымчаки, языки которых не вошли в реестр миноритарных языков.

Что делать в такой ситуации национальным меньшинствам, стремящимся сохранить свою этнокультурную идентичность и развивать свои языки? Думается, что в нынешних условиях существуют два реальных пути решения языковых проблем: 1. Добиваться через суды, в том числе международные, имплементации положений действующих конституций Украины и АРК, которые предоставляют (точнее – декларируют) региональным и миноритарным языкам довольно широкие коммуникативные возможности. И в этой связи следует напомнить о резолюции V Международного Форума русистов Украины (2005), в которой сказано: “1) Учитывая, что факты *нарушения существующего законодательства* в сфере языковой политики продолжают иметь место, обратиться к Президенту, руководителям всех рангов и уровней с настойчивым призывом обеспечить неукоснительное соблюдение гарантированных Конституцией Украины (статьи 10, 11, 24, 53, 92) языковых прав граждан Украины, в частности, в области использования русского языка в государственной практике и общественной жизни, повседневного общения на русском языке, получения среднего и высшего образования на русском языке...”

2) Обратиться в Кабинет Министров Украины с предложениями:

а) разработать национальную Программу развития языков в Украине, для создания которой привлечь ведущих учёных, юристов, педагогов...;

б) подготовить и принять необходимые нормативные документы, защищающие статус русского языка в Украине *в строгом соответствии с существующей законодательной базой государства...*”

2. Добровольная и целенаправленная работа учёных-филологов в русле сопоставительной лингвистики. При этом базовым языком сопоставления должен стать русский язык.

В нынешних условиях русский язык, кроме своих основных функций, самой историей призван выполнять ещё одну важную социальную функцию – способствовать реанимации и развитию миноритарных языков, которым угрожает опасность исчезновения с лингвистической карты мира. Эта функция русского языка может выполняться при создании в первую очередь двуязычных словарей с «левой» русской частью: русско-крымскотатарских, русско-караимских, русско-крымчакских, русско-гагаузских и др. Как известно, словари разного типа являются одним из важных инструментов расширения внутреннего (ментального) лексикона личности. Мой опыт создания двух русско-крымскотатарских словарей [2; 3], а также их оценка пользователями убедили меня в том, что русский язык выполняет в данном случае функцию компаса, ориентира, позволяющего «войти» в иной язык и вести целенаправленный поиск языковых единиц, необходимых для оптимизации процессов коммуникации на миноритарном языке, находящемся в опасности. Такую социальную функцию русского языка я предлагаю назвать **регенеративной** (от лат. *regeneratio* – восстановление, возрождение) – восстановительной, возмещающей нанесённый ущерб. И здесь можно вспомнить библейское: «Время собирать камни».

Регенеративная функция русского языка может быть актуализирована и на более высоком когнитивно-мыслительном уровне – на уровне развития филологической мысли миноритарных языков. Научное осмысление языковых и литературно-художественных феноменов миноритарных языков, опирающееся на достижения русистики во всех её ипостасях (языкознание, литературоведение, культурология), несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию и оптимизации коммуникативных качеств тех языков, которым сегодня угрожает опасность исчезновения.

Хотелось бы опять сослаться на свой опыт руководства научной работой студентов и аспирантов, обучающихся на факультете крымскотатарской филологии. Даже в тех случаях, когда научная работа выполняется на материале только крымскотатарского языка, теоретической базой являются работы преимущественно русских учёных, которые позволяют адекватно интерпретировать языковые феномены крымскотатарского языка. А развитие теории языка, как известно, позволяет оптимизировать учебный процесс и тем самым способствовать совершенствованию практического языкознания, в том числе обогащению и расширению языковой компетенции личности.

Литература

1. Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. Ред. В.П. Нерознак. – Москва: Academia, 1994. – 119 с.
2. Эмирова А.М., Усеинов С.М. Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову. – Симферополь: Сонат, 2003. – 232 с.
3. Эмирова А.М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.
4. Эмирова А.М. Русский язык на Украине // Октябрь. – Москва, 2007. – № 11. – С. 177–180.
5. Эмирова А.М. Русский язык в Украине: новая концепция государственной языковой политики // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы / Под общ. Ред. И.Л. Волгина – Москва: Фонд Достоевского, 2008 – С. 24 – 28.

The regenerative function of Russian in new geopolitical conditions

Annotation

The article rides on the new social function of modern Russian – **regenerative**, i.e. conducing to the revival and development of languages of the small people of the former USSR, at one time forced out by it from the mutual communicative space.

Keywords: globalization, minority languages, regenerative function.